

ГАЛИНА РОМАНОВА

ТАЙНА,
ПРИНОСЯЩАЯ
СМЕРТЬ

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *Д. Васильченко*

Романова, Галина Владимировна.

Р69 Тайна, приносящая смерть : [роман] /
Галина Романова. — Москва : Эксмо, 2024. —
320 с.

ISBN 978-5-04-207726-5

В небольшой деревеньке на краю обрыва возле заросшего пруда найдено тело красивой молодой женщины. В ту ночь Мария, счастливая и нарядная, спешила на свидание к жениху, но так на него и не пришла. Свидетелей преступления, как водится, нет, да еще и участковый, похоже, только чинит препятствия городской следственной бригаде. А как прикажете искать убийцу, если местные жители сотрудничать со следствием не хотят, а из улик — только подвеска из старинного золота с изумрудиком, которую сжимала в руке Мария? Интересно, откуда у еле сводящей концы с концами Маши такая дорогая вещица? И почему больше всего по ней горюет местный библиотекарь, а не суженый?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Романова Г.В., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-207726-5

ГЛАВА I

Георгий Иванович Степушкин, в миру Жоржик, Жорик, или просто Жорка, а в блатном, преступном мире — Гога, стоял под полуденным знойным солнцем, обливался потом посреди центральной площади и беспомощно крутил головой.

Куда подевалось это детективное агентство, в которое отослал его хитро выделанный следователь, он не знал. Ну не видел он вывески, век воли не видать, и все тут! А вывеска должна была быть, это следователь точно сказал и даже кулаком себя в грудь ударил.

— Там вас, Георгий Иванович, встретит милая дама — Дарья Дмитриевна Полукарова, — подталкивал он его в спину к выходу из кабинета. — Мы с ней уже созвонились. Она берется за ваше дело. Обещает решить все проблемы. Не забесплатно, конечно же.

— Как это не забесплатно? — Степушкин резко вдавил каблуки в пол, притормаживая. — Как не забесплатно, начальник? Тут, значит, за так, а там что же, деньги нужно платить за то, что падлу, что меня ограбила, искать станут?! А тут за так ты не хочешь? Ишь, как устроился, здорово!

Вот тогда-то следователь Топорков и глянул на него с проникновенностью, все объясняющей.

«Что ты, идиот, о себе возомнил? — прочитал

Степушкин то, что первой бегущей строкой проползло в серых невзрачных следовательских глазах. — Кто станет искать твои сраные цапки, которые ты сам украл и за которые ты уже к тому же и отсидеть успел? Кому на хрен нужно возиться с этим говном? Кому охота не спать, ноги обивать или свой бензин лить в казенную машину, потому что лишней капли никто не даст из-за твоего уродского грабежа? Кому охота портить показатели за квартал твоим глухарем? А ведь никто не найдет твоего добра, никто! Как не нашел его никто, когда ограбленный антиквар бился в истерике, так не найдут его и теперь! Не хочешь платить в детективном агентстве, пошел тогда на...»

Очень доходчиво и красноречиво глянул на него следователь Топорков. И снова подтолкнул в спину.

— Ладно... — проворчал Степушкин. — Пойду, найду твою Дарью Дмитриевну. Только ведь баба, чего она знать-то может? Чего найдет-то? Только перевод деньгам!

— Есть выбор? — поиграл бровями Топорков и с облегчением выпроводил его за порог своего кабинета.

Степушкин пошел к центру города пешком. Своя машина давно была продана. Как первый раз в дурку загремел, так и продал. Тут как раз так совпало, что права нужно было менять, стало быть, нужно было проходить комиссию. А кто станет ему справку делать с таким-то диагнозом? Никто. Вот он машину и продал. На такси теперь ездил, общественным транспортом пользоваться научился, пешком ходить опять же не брезговал. И совсем, к слову, не горевал. Иногда даже нравилось в битком набитом автобусе потолкаться.

Народ-то, он болтливый кругом. Хорошо, если

кто один едет, тот просто хмурит брови и негодует про себя потихонечку. А если компанией кто в автобус завалил? Да если еще и навеселе. Ох-ох-ох, тут только слушай, не зевай. Таких новостей можно наслушаться. И про незнакомых людишек, и про тех, кого когда-то знал. И про тех, кого узнать вдруг захотелось.

Однажды, страх признаться, услышал, что знакомые шумных пассажиров уезжают на отдых на три недели. И уезжают уже через пару дней, а завтра будто бы всех собирают на вечеринку. И пассажиры, не стесняясь, адресом обменялись и номером их домашнего телефона снабдили друг друга, записав под диктовку. Как-то же надо было созваниваться, уточнять время гулянки и все такое.

Степушкин не записывал, он запомнил и так. И адрес, и телефон. И потом через четыре дня прозвонил квартиру. Потом понаблюдал за ней, установил, что никого присматривать за домом хозяева не оставили, а потом взял и обнес ее.

Все не стал брать. Зачем ему норковая шуба, к примеру, или кожаная косуха? Что он с ней делать-то станет? Сбыта у него теперь не было. Для блатных он давно завязал. Как первый раз в дурку загремел, так и объявил, что в завязке. Так что сбывать добро было некому. А стало быть, и брать его не стоило.

Чем не побрезговал?

Маленький плоский телевизор снял с кухонной стены, приемник портативный красивый из детской комнаты. Денег немного нашел — тысяч двадцать в рублях, не больше, видимо, все увезли на отдых, а что не увезли, то по банкам рассовали. Продуктов долгого хранения вынес сумчищу целую, вина, водки, виски. Вот и вся его добыча. Ук-

рашения тоже не стал брать, опять же по той самой причине, что сбывать некуда, а дарить некому.

Потом дома рассовал трофеи по подвалу, холодильнику и шкафам, подсоединил приемник с телевизором, свой старый оттащил на помойку уже ночью. Покушал, выпил хорошо, похвалил себя за ум и отсутствие алчности и спать лег удовлетворенным вполне.

А что он сделал не так? Все же по-честному! Лишнего не взял, зачем? А что взял, то хозяевам не в убыток будет, быстро окупится и восполнится.

Таковыми же соображениями, видимо, руководствовался и тот вор, что обчистил его самого. Ничего не тронул лишнего. Техники дома новомодной завались — не взял. Одежда, ковры, посуда, все новехонькое — не тронул. Деньги в тайнике не нашел. Тайник он и сам порой находил с трудом, путаясь в кирпичной кладке. То ли на четвертый снизу, восьмой слева кирпич надо надавить, то ли наоборот — восьмой снизу и четвертый слева.

Деньги остались целыми. А вот ценности пропали.

Георгий Иванович Степушкин тяжело, с надрывом вздохнул.

Как же жаль ему того добра, как же жаль!!! Он ведь последний срок мотал за него. На нарах корчился и грел себя под куцым одеялом одной-единственной мыслью, что когда выйдет, то...

Применения антикварным ценностям не нашлось по день грабежа, как ни странно. Да он его и не искал. Где-то на уровне подсознания, еще когда грабил того старого известного антиквара, он лелеял глупую совершенно идею оставить все его добро себе. Захотелось вдруг владеть всем этим сказочным богатством, жить среди этой дорогой старинной роскоши. Трогать ее руками, примерять на се-

бя. Захотелось обставить свою жизнь так, как она была обставлена у этого странного седого старика, снующего по квартире в рваных стоптанных тапках и выцветшем рваном в подмышках халате.

Применил, идиот старый? Все потрогал? Наслаждался?

Георгий Иванович решил пройти вдоль домов, что кольцевали площадь. Может, и обнаружится вывеска с замысловатым названием. Если нет, стало быть, соврал ему следователь. Соврал, чтобы выпроводить и команду затем в дежурной части оставить — не пускать гражданина такого-то и такого-то по причине его невменяемости и неуравновешенности.

Нашлась! Нашлась вывеска! Неброская, потому сразу и не заметил. Невеликих размеров, но явно что дорогая, намекающая на солидность и основательность.

Степушкин поднялся тремя ступеньками к массивной двери, дернул за ручку. Дверь мягко поддалась. Сразу за дверью турникет, охранник вскочил со стула, потребовал документы. Предъявил, что ему, жалко, что ли. И даже сказал, что его должны ждать. Охранник сунулся в пустой журнал с одной-единственной заполненной верхней строчкой. Покивал важно:

— Проходите. — И запустил в движение преграждающий путь турникет. — Дарья Дмитриевна вас ждет.

Девочка была прехорошенькой. Степушкин аж слюну сглотнул, до того ему девочка понравилась. Высокая, ножки — струнки. Попка, юбочкой обтянутая, аккуратная, ручки ухоженные. Короткая стрижка, симпатичное молодое лицо. Степушкин чуть было не повернул обратно.

Разве могла такая красотка соображать и искать преступников? Такой только под руку с богатым фраером прогуливаться по тусовкам и площадям городским. Хрустеть карамельками да, прости господи, по команде юбчонку задирать. Что она смыслить может?

Глазки Дарьи Дмитриевны его остановили. Умненькие такие, вьедливые. Такие, что не смотрят, а внутренности твои перебирают с последующей сортировкой. Такие глазки подвести не могли, это точно. И в такие Степушкин за долгую свою уголовную жизнь насмотрелся вдоволь.

— Здравсте, Дарья Дмитриевна, — с полупоклоном поздоровался Георгий Иванович. — Можно присесть?

— Да-да, пожалуйста, — хозяйка просторного шикарно обставленного кабинета кивнула в сторону стула, выставленного посередине. — Присаживайтесь... Георгий Иванович Степушкин, если не ошибаюсь?

— Он самый, он самый, охрана и документ мой смотрела. — Степушкин вытянул из кармана штанов большой клетчатый носовой платок, прошелся по голому почти черепу. — Еле нашел вас, так спрятались... Вывеска незаметная опять же... И почему «Ванда»?

— Имя это такое женское, не слыхали? — усмехнулась Полукарова.

Ну не рассказывать же было гостю, что название придумали, соединив половинки двух имен: Ваня и Даша. Вот и получилось: Ванда. Напарник смущался тому, что его имя первым стояло, настаивал на переименовании. Даша только отмахнулась:

— Пусть остается так, мне нравится.

Так и оставили.

— Имя... — Георгий Иванович пожевал губами. — Может, и слышал. Я много чего слышал за долгую жизнь. Слышали о моей беде?

— Немного.

— Поможете?

— Не знаю. Ничего не могу обещать заранее. Мне нужно знать все обстоятельства дела и...

— А мне нужно знать ваши расценки! — перебил ее Степушкин. — Может, зря и пришел? Может, у вас тут за день по тысяч десять нужно платить. И... Я человек старый, одинокий, бедный... Большой к тому же. Слышали о моей беде?

Врал безбожно!

Старым он лишь выглядел, проведя большую часть сознательной жизни в тюрьме. Оттого и сутуловат, и худоват был, волосы опять же растерял до срока. Одиноким тоже не мог считаться, бабы липли на него, как на варенье. Что им в нем было, он мог лишь догадываться.

Дом добротный? Да, это было. Приобретению он много времени и сил посвятил. Воровал, не тратил, не шиковал, копил тайком от напарников. Потом, выйдя в очередной раз, домик-то и прикупил, оформив на тетку свою престарелую. И оформлением договора аренды сразу в правах узаконился. Тетка, понятное дело, долго не протянула, померла. Дом перешел к Степушкину. В нем он и жил теперь, успев и надстроить, и перепланировать изрядно. Деньги-то были!

Ремонт забабахал такой, как в телевизоре показывают. На мебель не поскупился. Не все же ему хрусткими нарами спину свою и ребра мять. Надо же когда-то и на мягком поваляться, и теплым ук-

рыться. А роскошь он любил. Любил, чтобы все красиво было.

Эта-то вот любовь его и сгубила. Из-за нее, проклятой, он теперь и сидит перед этой симпатичной девчонкой, возглавляющей сыскарьское агентство со странным, совсем не подходящим случаю названием.

А бабы его...

Что бабы? Наглые они, оголтелые, алчные и до денег с угощением, и до ласк. А какие теперь у него могли быть? Только такие, какие же еще! О любви-то он теперь и не мечтал. Мечты все растерял по срокам и по ссылкам. Теперь только паскудницы жадные и грели его койку. Пару месяцев назад две такие вот столкнулись лбами на его огороде ночью, так полосовались, так полосовались, что хоть собака на них спускай.

— У вас есть собака? — словно услышав его мысли, спросила симпатяшка в обтягивающей юбочке.

— Что? Собака? Нет, собаки нет. А это вы к чему?

— Так, собаки нет, — записала Дарья Дмитриевна, глянула на него внимательно. — Живете один?

— Один.

— А гости? Гости случаются?

— Гости? Какие такие гости? — Степушкин осторожно пожал плечами.

Вот привычка многолетняя, куда от нее деваться! Вроде и по своей нужде и сам сюда пожаловал, а карт всех открывать не хочется. А собственно, о каких гостях речь? Каким гостям у него быть-то? Из прошлой жизни редко кто когда захаживал, не жаловал он их особо и уж точно не приглашал никогда.

Про баб ей своих рассказать? Так не поверит.

Видел, видел, как носиком брезгливо подергала, когда он в кабинет к ней ввалился. Досье прочла и думает небось, что подзаборник он какой-нибудь. Портки опять же недорогие, штиблеты — прощай молодость, рубашонка не особо. А чего ему выпендриваться-то? С какой стати достатком своим перед носом у других помахивать? Чтобы повадно было в дом к нему лазить? Так слазили уже, хватит.

— Когда у вас в последний раз дома были гости? — терпеливо повторила свой вопрос Даша. — Послушайте, Георгий Иванович, ведь если вы не станете говорить со мной откровенно и честно, то я вряд ли смогу вам помочь. Мы же с вами не под протокол, что вы в самом-то деле! Сами пришли, а теперь недоговариваете.

— Что нужно-то? — неуверенно спросил Степушкин, уже жалея, что пришел.

Найти все равно ничего не найдут, дурак, что поверил в чудо. Подноготной всей этой девчонке знать тоже не надобно. Дружат они с тем следаком с мутными противными глазами. Что мешает Даше этой поделиться с ним сведениями? Да ничего! Контора ее с дурацким бабьим названием сегодня есть, завтра развалится. А Степушкину потом жить...

— Мне нужно знать все! — мягко шлепнула аккуратной ладошкой по столу Дарья Дмитриевна. — Ваши контакты, все возможные посещения вашего дома, включая почтальонов и соцработников. Ну и... И бывших ваших коллег по цеху. Потом... Кто еще знал о том, что украденные вами вещи вы не продали в свое время? Знал или догадывался? Может, вы хвастались кому-то, показывали их, может, кто-то мог подсмотреть, как вы их мерили.

Вы же делали фотографии, может, кто-то видел их. Вы готовы ответить на мои вопросы?

Степушкин глубоко и надолго задумался.

Да, глазки девчачьи его не обманули. Вона как сразу быка за рога и в стойло! Не стала ходить вокруг да около, а сразу ей и про контакты все выложи, и про гостей, и про блатных. Про все, про все.

Зачем затеял всю эту ерунду с расследованием, зачем? Ну, украли и украли, что с того! В конце концов, как пришли, так и ушли. Жил себе тихо. Тихо радовался. Тихо наслаждался тихим счастьем своим незамысловатым. А теперь что? Теперь станут это его счастье тихое снова по полкам расстанавливать? Станут рассовывать по папкам серого картона с замызганными завязками. Папки будут пухнуть, наполняться, множиться. Его тихая и удобная, заслуженная долгими годами тюрьмы старость станет беспокойной. В нее начнут лезть все кому не лень и с ногами, и с рогами. И...

— Пойду я, — Степушкин вдруг вскочил со стула и потрусил к двери. — Спасибо вам, девушка, но я пойду.

— А что так-то, Георгий Иванович? — крикнула она ему вслед. — Передумали?

— Да-да, передумал, — покивал он.

Остановился возле двери. Еще раз обмахнул лысину носовым платком, поклонился старомодно и взялся за дверную ручку.

— Передумал я, точно передумал.

— А что конкретно передумали: украденное вами и у вас добро искать? Или снова в свою жизнь розыск пускать?

Ах, вот она как!.. Вот прямо под дых! Прямо в селезенку!

Степушкин не выдержал и даже пальцем ей с

легким смешком погрозил. Вспотел так, что аж под коленками стало мокро.

Да, девочка и впрямь умна. Да как еще умна! Опомниться не дала, на обе лопатки разложила. Дай волю такой, найдет то, чего и искать не надобно. Что такого найдет-то?

А те самые деньги в тайнике, которые он сам порой ищет и найти не может. Деньги те у инкассаторов несколько лет назад отобрали были. Инкассаторов напарники постреляли, напарников самих ОМОН положил всех в перестрелке. А Степушкину тогда удалось скрыться. За рулем машины он был тогда, когда привлекли его на это дело по случайному случаю. Профиль-то был не его, так вышли на него случайно знакомые знакомых, порекомендовали. Его и взяли с собой на тот случай, если вдруг замок у инкассаторской машины вскрывать придется. Оговорили процент, его устроило, он согласие свое дал.

Замок вскрывать не пришлось. Инкассаторов положили, не сходя с места. Сумки с деньгами беспрепятственно в машину покидали, за рулем которой он сидел. Велели ему уезжать дворами. Встретиться должны были вечером в условленном месте. Он и уехал. И ждал потом добросовестно. Никто на стрелку не приехал. Ни этим днем, ни потом. Он целую неделю, как дурак, ездил туда, никто не явился. Потом уже из новостей узнал, что всех участников положили в перестрелке.

Трусил тогда Степушкин отчаянно и долго. Так и думал, так и ждал, что вот-вот на него выйдут. От каждого стука в дверь вздрагивал.

Не вышли на него! Никто его не сдал, если и остался кто из тех, что могли. Об оставшихся в живых и уцелевших в той перестрелке сведений ни-

каких не было. Ни на воле у блатных, ни в тюрьме. Стало быть, всех положили тогда. А про него менты так и не узнали. Степушкин деньги-то тогда припрятал в доме, где еще тетка его престарелая проживала, и поспешил сесть за совсем дурацкую кражу. Надо было сесть ему тогда, очень надо.

Для всех он какую легенду сочинил?

Да вот на сумку бабки старой позарился, потому как денег не было ни копя. Дело с инкассаторами не выгорело. Он прождал на машине за домами, а к нему никто не вышел, и сумки где с миллионами, он знать не знает. Потому вот и бабку обворовал, жрать-то на что-то надо.

Это он так блатным объяснял, клялся и божил-ся, зуб давал. Вроде поверили, отстали. На зоне жил не тужил. Все больше слушал. А вдруг слух какой выползет про грабеж тот с перестрелкой? Может, взяли тогда менты кого? Может, осудили даже?

Нет, не было суда по тому громкому делу. И денег, болтали, не нашли. И участников ограбления, по разговору, всех перестреляли.

Степушкин долго потом еще дергался. И после сумки той бабкиной отсидел еще пару раз. Однажды за телефон мобильный, что совсем глупо было, но ему и срок дали смешной. А последний раз как раз вот за то самое добро, что у антиквара подрезал.

О деньгах с инкассаторской машины будто бы и позабыли. И, выждав пару лет после освобождения, Степушкин начал ими потихоньку пользоваться. Потихоньку, не внаглую. Он же умным был и стратегом неплохим. Понимал, что ежели начнет деньгами сорить, то сразу его почикают и свои, и менты, серии и номера похищенных денсредств

наверняка были зафиксированы банкирами. Сразу все поймут, куда деньги те подевались. И не простят уже ни за что ему его самодеятельности и того, что на общак не отстегнул. И жить ему тогда останется часа полтора, а то и того меньше.

— Так что, Георгий Иванович, не станете говорить, так? — Дарья улыбалась понимающе. — И лгать вам неохота, потому как одна ложь повлечет за собой, несомненно, другую, и это все запутает. А всей правды вы мне говорить точно не хотите.

— А не хочу! — выпятил острый подбородок Степушкин, приложил два вытянутых пальца к несуществующему козырьку. — Бывайте здоровы, девушка. О просьбе моей забудьте. Не был я тут никогда.

— О как!

— Именно так, и никак иначе.

Степушкин вышел в чистенький коридорчик, прошел сквозь охрану, спустился тремя ступеньками с крыльца. И пошел по улице, без конца беспокойно оглядываясь.

Да, совершил просчет он, точно. Первый раз, наверное, просчет совершил такого плана. Не нужно было в ментовку идти, а потом и сюда, к девушке этой симпатичной. Ну, осерчал, что цацки у него подрезали, с кем не бывает. Ну, побесился, наорал на пустой дом, побегал по комнатам, и это случается.

Зачем, зачем было в мусарню-то топать?! Все слил! Всю информацию на самого себя слил! Про добро то антикварное он ведь тоже скрывал ото всех. Втягивал голову в плечи, виновато улыбался паханам и гнул, что менты то добро по себе растащили, а на него все спихнули. Потому и впихнули его в камеру, и его отпечатков по всей квартире во

время следственного эксперимента наставили, чтобы самим под суд не идти.

И снова его слово оказалось в законе. Сидит же человек, срок мотает, стало быть, все так. А менты, они ведь на всякое горазды.

А теперь что?!

А теперь вариантов у Степушкина оказалось десятка полтора.

Мог тот следак с противными глазами его братве сдать. Мог своим же операм, чтобы те дом его навестили и пошерстили там как следует на предмет обнаружения неучтенки. Могла и девчушка симпатичная его по всем каналам пробить и тоже начать как-то действовать.

Ох-ох-ох, стареет он, хватку совсем потерял. Далось оно ему, добро это! Украли и украли, хрен бы с ним! А ему вдруг жалко его стало, а он вдруг справедливости захотел. Точно что-то не то ему в вену налили в последний лечебный курс в дурке. Может, какую сыворотку правды влили, что он с милицией решился откровенничать так по-глупому.

Ладно, сейчас он домой доберется, душ примет, в кухне сядет и покумекает сам с собой. О чем? Да о том, к примеру, на что ему девчушка симпатичная намекала.

Кто из его постоянных гостей мог пронюхать процацки? Кто-то подглядеть сумел, когда он их доставал? Или, может, фотографии случайно увидел? Хотя фотографии те увидеть можно было, если начать рыться в его шкафах. Значит, кто-то и рылся. А кто?

Надо было составить список этих постоянных гостей — раз.

Потом надо было вспомнить, кто к нему случайно забредал в последние несколько недель — два.

И три...

Три, надо будет поспрашивать у соседей, не было ли гостей в его отсутствие? Он хотя и собственные меры предосторожности принял накануне того дня, как ему в больницу лечь. Электронике он не доверял. Сам не мог ничего такого, а пускать к себе в дом постороннего с тем, чтобы тот установил и настроил ему как следует камеры слежения, считал излишним.

Во-первых, сразу подозрение. С чего это в деревенской хате дряхлый мужик камеры устанавливает? Чего или кого боится? Красть-то особо нечего. Не нищенствует, конечно, но и богачом не называть. Подозрительно...

Во-вторых, этот специалист как установит, так потом и обойти сумеет эти камеры слежения. И захочет-таки узнать, с чего мужику такие меры безопасности понадобились.

Нет, опасно это и расточительно.

Оставил он по старинке на каждой раме и двери по приклеенному волоску и, что самое странное, обнаружил все потом, как и было. Стало быть, никто не проникал в дом в его отсутствие. А добро-то пропало! Все украденное им у антиквара будто растворилось! Как?! Каким образом?! Все его «пломбы» на месте, как такое могло быть?

А это — четыре, значит, могло означать что-то одно из двух: либо выкрали добро накануне его отъезда, то есть вечером или ночью. Либо кто-то знал о его мерах предосторожности и потом вернул все волосяные «пломбы» на место.

А кто это мог сделать? Только тот, кто его хорошо знал. Преотлично просто знал. И привычки его, и расписание, и похоронки разные.

А кто его хорошо, преотлично просто знал?

Степушкин почесал отросшими ногтями лысую макушку, прикинул так и сяк.

А никто! Никто его так не знал и знать не мог. Друзей из прошлой жизни не осталось. Он же завязал, его и не трепали. Даже когда на улице случайно сталкивались, одним кивком головы обходились. Да и сторонились его, чего уж. В дурдоме курс за курсом проходит, чего ждать от общения с таким?

Степушкина это вполне устраивало, более того, он сам о себе слухи один неприличнее другого распространял, чтобы никому не повадно было с ним дружбу водить.

Бабы, с которыми он вязался, тоже не знали его так досконально, чтобы уметь мысли его читать и секреты все распознавать.

Кто же мог влезть в его дом и украсть антиквариат? Кто?!

ГЛАВА 2

Маша сновала с кухни в спальню, из спальни в кухню, все что-то примеряла и примеряла на ходу. Швыряла юбки с кофтами на широченную кровать, снова лезла в шкаф. При этом она со старательной беспечностью напевала себе под нос мотив непонятный и надоедливый и настырно не смотрела в сторону комнаты дочери.

Подумаешь, матери та взялась указывать! Мала еще, чтобы вещи такие ей говорить! Еще и семнадцати не исполнилось, и до совершеннолетия полтора года почти, а она матери вздумала мужиков выбирать.

Как это она сегодня с утра ей выдала? Какие-то хлесткие и обидные слова, дай бог вспомнить бы...